

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

В.Н. Варич

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Глубокий анализ современного общества как особого типа социальности, обусловленного стремительным развитием средств массовой коммуникации, производит знаменитый французский философ Ж. Бодрийяр. В своих работах «Реквием по масс-медиа» и «Экстаз коммуникации» он показывает, что массовая коммуникация, во-первых, не является коммуникацией по существу, так как осуществляется в одностороннем порядке (от передающей инстанции к принимающей), а во-вторых, имеет настолько обезличенный и обезличивающий характер, что формирует особую форму существования социального – массу, в которой социальность как таковая перестает существовать. Средства массовой коммуникации в настоящее время выступают в качестве антипроводника, они нетранзитивны и антикоммуникативны. Существенное значение приобретает не содержание сообщения, а само сообщение и способы его кодировки, в силу чего коммуникация сменяется симуляцией коммуникации, из которой изначально исключены обоюдность, амбивалентность и антагонизм партнеров. В таких условиях прекращает существование само социальное пространство, превращаясь в сферу симуляции, гиперреальность.

Гиперреальность возникает как следствие стремительного экстенсивного развития западной цивилизации: «Это была всеобъемлющая оргия материального, рационального, сексуального, критического и антикритического, оргия всего, что связано с болезнями роста. Мы прошли всеми путями производства и скрытого сверхпроизводства предметов, символов, посланий, идеологий, наслаждений. Сегодня игра окончена – все освобождено» [1, 8]. Средства массовой коммуникации в настоящее время выступают в качестве антипроводника, они нетранзитивны и антикоммуникативны. Существенное значение приобретает не содержание сообщения, а само сообщение и способы его кодировки, в силу чего коммуникация сменяется симуляцией коммуникации, из которой изначально исключены обоюдность, амбивалентность и антагонизм партнеров. В таких условиях прекращает существование само социальное пространство, превращаясь в сферу симуляции, гиперреальность. С этой точки зрения, западная культура не имеет перспектив развития – все конечные цели достигнуты, а массовое общество находится в состоянии перманентного предвосхищения всех возможных результатов и априорного знания всех возможных знаков, форм и желаний. «Мы живем в постоянном воспроизведении идеалов, фантазмов, образов, мечтаний, которые уже присутствуют рядом с нами и которые нам, в нашей роковой безучастности, необходимо возрождать снова и снова» [1, 9]. В таких условиях происходит фатальная, с точки зрения Бодрийяра, трансформация ценностей, в результате которой ценности утрачивают свой смысл и предназначение.

В классификации ценностей мыслитель выделяет три фундаментальные формы: начальную стадию, когда существовали повседневные бытовые ценности; рыночную стадию, когда ценность стала выступать как средство обмена; структурную стадию, когда появилась ценность-символ. Начальной стадии соответствует естественное природное состояние мира, и ценность развивается в соответствии с существующими обычаями. Рыночной стадии соответствует эквивалентность обмена, и ценность развивается согласно логике торговли. На третьей стадии появляется определенный свод правил, и ценность развивается в соответствии с существующей совокупностью образов. В настоящее же время ценности (как и социальность в целом) переживают, по Бодрийяру, стадию дробления: «На четвертой же стадии – стадии фрактальной, которую мы могли бы назвать также вирусной или стадией диффузии ценностей, уже не существует соответствия чему бы то ни было. Ценность распространяется во всех

направлениях, без какой-либо логики...» [1, 11]. Подобно тому, как квантовая механика обнаружила невозможность точного определения координат, скорости и траектории элементарной частицы, так и вся западная культура находится в таком состоянии, когда определима только большая или меньшая вероятность ценностной значимости: «...каждая ценность или часть ее лишь мгновение сверкает на небосклоне лицедейства, а затем исчезает в пустоте, перемещаясь вдоль ломаной линии, редко соприкасающейся с траекториями других ценностей. Такова схема дробления – нынешняя схема нашей культуры» [1, 12]. Вещи, знаки и действия освобождаются от своей сущности и ценности, от происхождения и предназначения; все существующее продолжает функционировать, в то время как смысл существования давно исчез: «... идея прогресса исчезла, но прогресс продолжается. Идея богатства, которая предполагает производство, исчезла, но производство как таковое осуществляется наилучшим образом. И по мере того, как исчезает первоначальное представление о его конечных целях, рост производства ускоряется. Идея исчезла и в политике, но политические деятели продолжают свои игры, будучи втайне совершенно равнодушными к собственным ставкам» [1, 13]. На смену выраженной иерархии ценностей приходит «мета-статический беспорядок» - размножение ценностей путем простого соприкосновения, не подчиняющегося какой-либо цели и не имеющего внутреннего смысла.

Экономика перерастает в трансэкономику, эстетика – в трансэстетику, сексуальность – в транссексуальность, происходит взаимное проникновение разнородных явлений, смешение жанров, подмена одной сферы деятельности другой. Во всех областях социального бытия наблюдается фазовый переход ценностей в свою противоположность вплоть до полного исчезновения. «Каждая категория склонна к своей наибольшей степени обобщения, сразу теряя при этом всю свою специфику и растворяясь во всех других категориях. Когда политично все, ничто больше не политично, само это слово теряет смысл. Когда сексуально все, ничто больше не сексуально, и понятие секса невозможно определить. Когда эстетично все, ничто более не является ни прекрасным, ни безобразным, даже искусство исчезает» [1, 21]. И в политике, и в экономике, и в искусстве развитие сменилось бесконечным воспроизведением и симуляцией. Ничто не смогло стать идеальной формой жизни – напротив, все ценности и смыслы растворились в повседневности. «Прославленное движение современности привело не к трансмутации всех ценностей..., но к рассеиванию и запутанности ценностей» [1, 18].

В условиях массовой коммуникации происходит отчуждение социальных отношений от самих себя, и поэтому они развиваются внутри коммуникационных сетей, не выходя за их пределы. Коммуникация при этом является следствием неспособности общества преодолеть свои границы и устремиться к иным целям в силу того, что любая коммуникация, по сути, есть лишь принудительный сценарий и непрерывная фикция. Нынешнее историческое время, когда бывшие социалистические страны подключились к пространству западной культуры, обнаруживает различные варианты возможного будущего: «... сталкиваются две разновидности конца Истории: та, где История прекращает существование, дойдя до точки замерзания и концентрационных лагерей, и та, где она завершается полной центробежной экспансией средств коммуникации» [1, 141]. Это столкновение может, по мысли Бодрийяра, привести к катастрофическим для западной культуры последствиям, поскольку возникнет своего рода политический парниковый эффект: «Если страны Востока приведут в движение весь огромный запас свободы, который они удерживали, то тем самым лишится стабильности хрупкий метаболизм ценностей Запада, который желает свободы не как действия, но как виртуального согласованного взаимодействия, не как драмы, но глобальной психологической драмы либерализма» [1, 143].

Оборотной стороной обезличивающего и бессубъектного характера массовой коммуникации является интенсивный поиск отличий и исследование либо имитация «другого». В самом деле, если коммуникация нетранзитивна и необратима, то из нее исчезает отличие, сам субъект становится индифферентным и к собственной субъективности, и к собственному отчуждению. И даже в интерактивном общении субъект не несет в себе чьего-либо отражения, поскольку в такой коммуникации также не происходит обмена, возникает своеобразный гомеостаз, в котором отличия ликвидируются. Вместе с тем сильное отличие репрезентируется как различие, которое колеблется от абсолютного минимума до нуля: «... для того, чтобы предотвратить полную гомогенизацию мира, появляется чудовищная метафора Другого, компиляция всех отличий, приговоренных нашей системой к уничтожению, - смертоносная вирусная отчужденность» [1, 192]. Логика различий является универсальной имитацией, которая постепенно принимает форму безнадежной галлюцинации различия. Иначе говоря, попытки «разумного» проведения различия и дистанцирования от «другого» приводят лишь к тому, что за пределы культурного пространства западного общества вытесняются те культуры, которые живы своим своеобразием и своей исключительностью, которые не тешат себя иллюзией связать воедино весь мир. «Тот, кто является властелином универсальных символов отличия и различия, тот и властелин мира. Замышляющий различие является антропологически высшим существом (что естественно, ибо он сам и создает антропологию). У него все права, ибо он их сам изобретает. А тот, кто не замышляет различие, кто не играет в игру различия, должен быть уничтожен» [1, 197]. «Другой» в его радикальном проявлении оказывается невыносимым в пространстве масс-медиа, его нельзя уничтожить, но нельзя и принять, однако можно включить во всеобщий процесс диффузии ценностей и смыслов.

Именно поэтому современный западный человек ориентирован не на познание самого себя, не на осознание направления собственного движения, не на веру в себя, а на размышления о пути «другого», на веру в тех, кто верит. Он не в состоянии вынести ответственность за собственную жизнь, и для него естественно вручить свою участь, желания и волю кому-нибудь другому: происходит циркуляция ответственности, отклонение желаний и перемещение форм. «Мы уже не способны верить, но верим в того, кто верит. Мы уже не способны любить и любим лишь того, кто любит. Мы не знаем, чего хотим, и хотим лишь того, чего хочет кто-то. Происходит нечто вроде всеобщего уклонения, в процессе которого желания, способности, знания оказываются не то чтобы заброшенными, но пригодными для второй инстанции» [1, 246].

Даже в науке «другой» как объект научного исследования постепенно исчезает (поглощается самим процессом исследования), поскольку обнаруживает свою изменчивость, обратимость, неуловимость и недетерминированность; объект ведет себя как странный аттрактор, который нельзя постичь, даже принося в жертву постулаты науки и сам научный разум.

Эти же качества демонстрирует и масса, как новая (и последняя, по Бодрийяру) форма социальности: они выступают как слепой исполнитель главной роли, неотступно следующий по политическому лабиринту, - такой исполнитель, которого невозможно ни распознать, ни назвать, ни указать. Массы более не заинтересованы в собственной субъективности, не верят в собственные качества, но зато обладают изворотливостью, позволяющей вершить бесконечные изменения, и объективным цинизмом в том, что касается смысла и сущности современной культуры: «Вероятно, История станет асимптотической траекторией, бесконечно приближающейся к своему конечному значению, но никогда его не достигающей и в конце концов удаляющейся от него в противоположном направлении» [1, 147].

Литература

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. - М., 2000.